

Ирина Скрынник

ДВОЙНОЕ СОЛНЦЕ

Прогуливались ли вы когда-нибудь ночью по Колымской трассе?

Это был первый год жизни нашей семьи на Крайнем Севере. Папа, лётчик гражданской авиации, решил, как тогда говорили, «поехать за длинным северным рублем», и мы сорвались с насиженного места.

Добирались долго. Летели сначала до Красноярска, потом – до Якутска, потом – до Магадана... Весь скарб нужно было сдавать и получать в каждом аэропорту. А мест в самолетах, несмотря на наличие билетов, не было. Родители знали, что так и будет, и запаслись южными дынями для «подмазывания» отделов перевозок. Аэропорты становились все более убогими, настроение падало, да еще младший брат страшно отравился в дороге. Наконец, на третьи сутки мы приземлились в Сеймчане. Аэропорт – избушка на курьих ножках – и поныне выглядит точно так же. Мы вышли из самолета. Шел снег... Был конец августа.

После какой-никакой, но столичной жизни во Фрунзе, меня накрыло унынием и депрессией. Сманить-то отца сманили, а с жильем обманули. Мыкались по съёмным квартирам, пока мама не взбунтовалась – тогда нам временно выделили комнату в одной из коммуналок поселка при аэропорте. Хозяева комнаты уехали в полугодовой «северный» отпуск и великодушно уступили нам свои апартаменты на этот срок.

Дома были очень хорошими – теплыми, внутри обшитыми линолеумом, с высокими потолками. Их построили во время ленд-лиза американцы для своих лётчиков, а потом так и оставили: одноэтажные срубы из толстенных бревен, непонятно откуда привезенных – в местной тайге росли низенькие лиственницы в руку толщиной. В каждом таком доме жило человек двадцать.

В местном магазине продавались гвозди, валенки, ватники и шапки, а из продуктов – хлеб, молоко, халва и слипшиеся в ком пряники мезозойской эры, а так же ананасы и сок манго из Японии. Больше не было ничего. Но иногда привозили мороженое – предмет небывалой страсти северян, и покупали они это мороженое ящиками – ведь почти никаких других лакомств не было, а оно могло храниться всю зиму на застекленной веранде. Там же стояли бочки с брусникой, замороженные олени туши и мешки с тысячами рукодельных пельменей.

Это был комариный край. Комары отравляли все, что не было зимой: весна, лето и осень длились чуть больше трех месяцев. Каждый нескончаемый полярный день в комнате жгли перетрум. Комары выживали, а мы дохли. Когда мы ходили в тайгу за голубикой, все намазывались ужасающе вонючим средством от комаров, и даже одежду намазывали. Облако комаров сопровождало каждого, облепливая все теснее по мере того, как вонь выветривалась, так что на спине впереди идущего колыхалась жуткая масса... Однажды такой комар залетел мне в рот, когда я, катаясь с друзьями на мопеде, вопила от счастья.

Наша мелководная незлобивая речка Сеймчанка весной, освобождаясь ото льда, довольно громко рычала и грохотала. Разбросанные после ледохода останки льдин долго валялись по берегам. Стукнешь тихонько по такому осколку толстого льда – и он, как живой, с тихим шушанием и позваниванием медленно раскрывался чудесным цветком – мириадами прозрачных трубочек... Я знала про северное сияние, но, оказалось, это не просто красиво – это страшно, и я испытала тот первобытный страх, при котором шерсть встает дыбом. И висело оно, шевелясь как живое, совсем рядом, прямо над клубом – казалось, что под ним можно было пройти, пригнувшись. А вот «двойное солнце» – светящаяся небесная восьмерка: солнце и его отражение в атмосферных кристалликах льда – было просто чудесным!

Бродячих животных там, понятное дело, быть не могло. Но и домашних было мало. Каждая кошка была на вес золота. У бабы Шуры, у которой мы поначалу снимали квартиру, в сенях жили куры, которые соответственно пахли. Своего роскошного кота бабка приучала совершенно варварским способом не зариться на цыплят: брала цыпленка, иголку – и как бы продолжением клюва тыкала ею в морду кота. Поэтому кот к цыплятам не приближался, зато отыгрался на развешенной вялиться рыбе: ночью раздался страшный грохот, вся связка рухнула, но в рыбу он вцепился так, что даже побои хозяйки не заставили его разомкнуть челюсти.

А в нашем доме для летчиков тихо, спокойно и с достоинством выполняла свою работу «общественная кошка». Ее передавали друг другу на время, чтобы гонять мышей. Звали ее уважительно: Антонина Васильевна. Когда было нужно, она с легкостью сигала с пола на электросчетчик, который находился почему-то на высоте трех метров и который мыши облюбовали в качестве своего наблюдательного поста. Что оставалось делать мышам? Они перебежали в соседнюю квартиру. Вслед за ними передавалась и кошка.

В первый же год случилось несчастье. Моей маме, работавшей учительницей в Сеймчане, прямо во время урока стало плохо. Чтобы не пугать детей, она вышла в коридор и рухнула без сознания. Всюду шли уроки, коридор был пуст. И если бы

из какого-то класса не выгнали двоечника-хулигана, который позвал на помощь, она бы не выжила. В больнице ее положили в коридоре – лежит себе, умирает. Пульс нитевидный. Спасибо лесорубам, которых привезли с обморожением – они стали ругать врачей и кричать, что рядом молодая баба кончается. А хирург оказался замечательным: сразу догадался, что из-за обширного внутреннего кровотечения нужна срочная операция. Он оперировал шесть часов подряд, а потом его сменила бригада, прилетевшая из Магадана. А мы с младшим братом ничего не знали: пришли домой – а там никого: папа в командировке, мама пропала...

Многое можно было бы рассказать. Те, кто там родился или жил давно, как-то притерпелись и радовались жизни. Но я чувствовала только обездоленность и покинутость.

...Мне было 14, я заканчивала среднюю школу и собиралась поступать в Магаданское музыкальное училище. В комнате, в которую нас на время поселили, стояла чужая мебель, но пианино, конечно, не было. Заниматься я ездила в главный посёлок, километров за восемь от нашего, аэропортовского. Рейсовый автобус был маленьким ПАЗиком, куда набивалась куча народа и где дверь была завешена одеялом, чтобы не выстужать салон – но на внутренней стороне стекол и так намерзал толстенный слой льда, и если ты ехал 20 минут, то мог успеть, дыша на монету и вдавливая ее в лед, проделать в нем маленькую круглую дырочку и в нее смотреть на мир...

Уже в ноябре начались страшные морозы. Для нас, южан, такая суровая зима была в диковинку. Как-то в воскресенье стоял мороз под 60. Школы при этой температуре еще не закрывались. В пустынной тишине музыкальной школы (одноэтажном домике всего с тремя классами), разучивая экзаменационную программу, я так увлеклась, что проворонила последний автобус.

Хотя время было не позднее, уже стемнело. Зимой на Севере день короток, мороз к ночи крепчает, а жизнь, особенно в выходные, останавливается.

Я стояла на автобусной остановке вымершего городка, бессмысленно пялилась на дорогу и не знала, что делать. Рядом была парикмахерская, где, спасаясь от мороза, всегда торчал ожидавший автобуса народ, но в воскресенье она не работала. Звонить было неоткуда и некуда: телефонов в той жизни не существовало, ни на улицах, ни в домах. Подружек я еще не завела – я училась там всего 4 месяца, и меня, как новенькую, травили. Помощи ждать было неоткуда. Стало страшно. А тут ещё и сгущающаяся темень: фонари в той жизни тоже не были запланированы – светились только окна домов. Прихлопывания и подпрыгивания не помогали, и я уже почти не ощущала занемевших ног.

Не знаю, чего я ждала – но тут, в эту отчаянную минуту, вдруг появилась откуда-то странная женщина. Неопределённого возраста, как-то вызывающе раскрашенная, в совершенно не подходящих к суровому климату пальтишке, сапожках и – капроновых чулках! Явно нездешняя. Может, она попала сюда с дальнотойщиками? Хриплым простуженным голосом она спросила, когда придет автобус. Я ответила, что ушёл последний. Несколько минут она что-то

соображала, потом решила: «Пошли по дороге в сторону аэропорта! Авось, пройдет какая-нибудь машина и подберет нас – иначе околеем».

И мы пошли. Первый километр одолели достаточно легко, но чем дальше, тем труднее было идти и дышать. На шарфе, намотанном до глаз, нарастала ледяная корка, ресницы тоже покрылись инеем и при моргании примерзали к ворсинкам – их нужно было отдирать от шарфа. Очки я на улице не носила: от их обжигающей оправы было больно щекам, обморожение было бы гарантировано, да и бесполезны они были – на них тоже образовывалась крепчайшая ледяная корка. Ни колец, ни серег там тоже никогда не носили.

Мы шли молча, рты зря не раскрывали – так ужасающе холодно было. Но я чувствовала живую душу, трепетавшую рядом в кромешном мраке и космическом холоде, она вселяла надежду и успокаивала уже только одним своим существованием. Наконец, преодолев примерно половину пути, мы выдохлись, и женщина предложила свернуть в сторону так называемого Второго Посёлка – вроде бы, там у неё была какая-то знакомая, у которой можно обогреться и отдохнуть. По смутным, с недомолвками рассказам соседей и ребят из класса я знала, что там живут бывшие ээки – поселенцы, оставшиеся после освобождения из сталинских лагерей доживать здесь свой век. Место это негласно считалось «нехорошим», люди – подозрительными, а их дети и внуки – хулиганьем. Короче, гетто в зоне вечной мерзлоты. Но я без колебаний согласилась идти куда угодно, хоть к чёрту в пасть, только бы согреться. Последние метры до домика (в темноте женщина даже не была уверена, что тот самый) мы бежали как полоумные. Я отгоняла мысль, что нас могут не пустить, что в доме нет никакой знакомой и что мы останемся на морозе. Но свершилось чудо: на наш стук дверь распахнулась, нас пустили. Хозяйка – старая суровая Баба Яга – никак не могла вспомнить мою попутчицу, но я не вникала в их неясный разговор. Не раздеваясь, я приникла к жарко натопленной печке и не могла от неё оторваться. Бабка озадачено рассматривала меня, расспрашивала, укоризненно качая головой, потом заставила снять верхнюю одежду и выпить горячего – не чаю, какао! А они пили самогон. Неуверенно предложили и мне, но я не решилась. В тепле меня разморило, захотелось спать, но я быстро пришла в себя, когда бабка стала отговаривать меня идти дальше. К тому времени женщины как-то сдружились, и выяснилось, что моя попутчица остаётся ночевать. Мне представлялись мои обезумевшие от ужаса родители, в непроглядной тьме ищущие меня, и я поняла, что должна идти. Баба Яга, добрая душа, горестно причитала и давала всякие советы для моего дальнейшего путешествия. Всё очень напоминало сцену из «Снежной королевы», где замерзающая Герда порывается бежать за братом в снег и бурю, а старая лапландка её отговаривает. Разница была только в том, что я, а не Герда, могла умереть взаправду. Помню, бабка строго-настрого запретила мне садиться в попутную машину, а так же идти слишком быстро.

Попрощались. Хозяюшка дала каких-то печенюшек, перекрестила меня и с причитаниями закрыла за мной дверь. Я помчалась через посёлок к трассе. И тут я поняла, что начался самый сложный отрезок пути. По сторонам дороги сплошным забором (скорее угадываемым, чем видимым) чернела тайга, ни одного огонька, проблеска, следа человеческой жизни больше не существовало. В непроглядной тьме и полной тишине я ощущала себя космонавтом в открытом космосе. Визг снега под моими ногами, да набатный стук сердца в ушах – вот и все звуки в той

ночи. Света звёзд, которые в моих близоруких глазах расплывались в неясные пятна, не хватало, чтобы увидеть дорогу. Боясь сбиться с неё и уйти в тайгу, я каким-то животным инстинктом поняла, что нужно время от времени правой ногой проверять невысокий сугроб на обочине дороги. Главной задачей было не пропустить развилку на аэропорт и не уйти по Колымской трассе в неизвестность и смерть. Шла я всё равно панически быстро, и лицо сначала вспотело, потом начало быстро обмерзать. Остервенело тёрла щёки и нос, но ноги уже онемели и слушались плохо. За все это время не проехала ни одна машина. Ни в поселках, ни на Дороге я не встретила ни души. Это невероятное чувство одиночества: мертвая тишина и пустота, я одна на всем свете. От страха мне хотелось издавать какие-нибудь звуки, но рот открывать было нельзя. Поэтому для храбрости я тихонько подвывала.

Тут в смутных очертаниях дороги я угадала развилку – теперь я, наверное, доберусь! И тут же вспомнила, как бабка предупреждала – не радуйся слишком рано! "Пока не взойдёшь на крыльцо твоего дома, пока тебе не откроют дверь, не успокаивайся, дерись!" - так и сказала.

И вот – наконец-то! – замелькали первые огоньки посёлка лётчиков. Как хорошо, что наш дом на самой окраине, и не надо плутать по городку! С громким ревом я забарабанила в родную дверь. Мне было себя так жалко... Какая же это была жесточайшая обида – никто и не думал беспокоиться обо мне! Захлёбываясь слезами и дрожа от озноба, я рассказывала о своих похождениях, а мама только ласково гладила меня по голове, улыбаясь и продолжая жарить картошку к ужину...

Я потом часто вспоминала своих двух странных ангелов-хранителей. И даже неразговорчивую спутницу, ей-богу, воспринимала как спасительницу... Ни ее, ни добрую Бабу Ягу я больше никогда не встречала.

Надеюсь, им зачтётся.

Мюнхен, 2017